

Результаты единого государственного экзамена еще не были объявлены, а телефон Мин Синя уже разрывался от бесчисленных звонков.

Уже было известно, что Мин Синь стал лучшим учеником провинции, и за последние два дня порог дома семьи Линь чуть не стерли до основания. Школьные учителя и руководство, районные и городские чиновники, даже начальники на работе приемных родителей — все толпились, до отказа заполнив тесную квартирку семьи Линь. Начальство родителей даже великодушно выделило им длинный отпуск, чтобы те смогли свозить новоиспеченного триумфатора куда-нибудь развеяться.

Однако Мин Синь не любил суету. К тому же в эти дни то и дело заявлялись репортеры, нацеливая на него свои камеры и объективы и беспрерывно щелкая затворами. После всего этого хаоса у него, человека, у которого за все три года старшей школы не появилось ни единого темного круга под глазами, под взглядом проступила легкая синева.

Единственное, что действительно радовало его, — звание лучшего ученика провинции оказалось весьма прибыльным. После окончания экзаменов: премии от провинциальных и городских властей, выплаты от школы и даже денежные поощрения от работы родителей... В общей сложности набралось почти миллион.

Для человека его возраста эти деньги определенно нельзя было назвать маленькой суммой. В обычной семье родители обязательно забрали бы их на хранение, чтобы ребенок не транжирил средства без счета, но приемные родители проявили к нему невероятное доверие: не только оставили все деньги ему, но и сами добавили сверху еще немного.

Определившись с тем, что будет учиться в Цинском университете, семья Линь отправилась в дальнюю поездку — редкий случай, когда они всей семьей дружно выбрали отдохнуть. По возвращении оба родителя заметно загорели. И хотя им хотелось немного передохнуть дома, на работе накопилась целая гора дел, поэтому уже во второй половине дня они снова поспешили в офис.

Мин Синь остался дома один и проспал до самого вечера. Похоже, он не принадлежал к числу людей, созданных для путешествий: поездка утомила его куда сильнее, чем неделя непрерывной учебы.

Проснувшись, Мин Синь некоторое время неподвижно сидел на кровати, погруженный в задумчивость, пока голод не заставил его подняться из спальни и отправиться на кухню в поисках еды.

В холодильнике оставалось еще немного лапши... — подумал он и вдруг при мягком желтом свете кухонной лампы увидел широкую и прямую спину мужчины.

— Проснулся? — Мужчина даже не обернулся, сразу поняв, кто пришел. — Лапша почти готова, садись за стол.

Мин Синь сел за обеденный стол.

С этого ракурса лицо хлопотавшего у плиты мужчины казалось невероятно красивым, с высокими надбровными дугами. Годы старшей школы вытравили из его облика последние следы прежней небрежности, а то, с каким сосредоточенным выражением он смотрел на кипящую лапшу, выглядело настолько эффектно, что хоть сейчас помещай на кинопостер.

— Гу Шэн, — позвал его Мин Синь и, дождавшись ответа, продолжил: — Ты когда пришел?

— Давно, — ответил Гу Шэн.

На самом деле он заявился сразу же, как только услышал, что Мин Синь вернулся домой. Иначе как бы он смог целое полудня любоваться милым спящим лицом Мин Синя и украдкой целовать его в незащищенные щеки? И уж тем более не стал бы варить ему лапшу, стоило тому начать просыпаться.

Впрочем, об этом упоминать не стоило: узнай Мин Синь, что он снова без спросу лез с поцелуями, ночью он наверняка отказался бы позволить ему хотя бы прикоснуться к себе. Бывший заносчивый молодой господин Гу в свои юные годы был вынужден выстраивать целые стратегии ради лишнего поцелуя со своим парнем.

Вскоре Гу Шэн вытащил лапшу и поставил перед Мин Синем огромную миску, вложив ему в руки вымытые и насухо вытертые палочки и ложку. Лапша была скрыта под зеленью, свежими креветками и глазуньей с золотистой корочкой, а от блюда исходил аппетитный аромат.

Мин Синь подцепил палочками зелень и протянул её Гу Шэну. Тот тут же помрачнел лицом и строго произвел:

— Никакого перебирания едой, съедай всё, иначе я тебя поцелую.

Услышав это, Мин Синь недовольно опустил уголки губ. Только проснувшись, он был наиболее эмоционален, и, по мнению Гу Шэна, в эти моменты он выглядел милее и послушнее всего.

Мин Синь с аппетитом втянул несколько прядей лапши, сделал несколько глотков бульона, а затем захотел креветок. Он подцепил одну и протянул Гу Шэну. Тот заблаговременно надел одноразовые перчатки и принялся чистить креветку для своего парня. Поднеся к нему чистейшее мясо, Гу Шэн дождался, пока Мин Синь прямо зубами заберёт его.

Мясо и овощи в миске постепенно уменьшились наполовину. Мин Синь небрежно перемешал лапшу и обнаружил ещё одну глазунью с хрустящими краями. В миске же самого Гу Шэна не было ни одного яйца. И без лишних раздумий было понятно, кому оно предназначалось изначально, но Мин Синь всё равно съел его. Эта порция лапши была совсем немаленькой, но девятнадцатилетний юноша как раз находился в том возрасте, когда едят больше всего, к тому же его измотали поездкой по стране, отчего он даже похудел на несколько цзиней. Сейчас он

неторопливо ел лапшу и в конце концов выпил даже весь бульон, но его животик остался совершенно плоским, без малейших изменений.

Мин Синь сам взял миску и направился к раковине, однако Гу Шэн отобрал её у него прямо из рук и заодно воспользовался моментом, чтобы легонько коснуться его губ.

— Я сам помою.

Чтобы превратиться из избалованного молодого господина в домашнего мужа, требовалось всего лишь обзавестись красивой женой.

Когда Гу Шэн вышел, Мин Синь уткнулся в мягкое кресло-мешок, прижимая к груди недавно купленный планшет — точь-в-точь как зверёк, обхвативший новую игрушку.

Гу Шэн силой протиснулся в и без того тесное кресло-мешок, уселся рядом с Мин Сином и, склонив голову, принялся смотреть, что тот делает на планшете. Мин Силу от тесноты было неудобно, и он попросту забрался к Гу Шэну на колени, босой правой стопой уперевшись ему в колено. Гу Шэн только о том и мечтал, поэтому сразу же обхватил его целиком, выглядывая из-за плеча. Увидев, что Мин Синь открыл на компьютере какое-то письмо, а отправитель ему незнаком, он невольно насторожился: — Кто это?

Мин Синь уже привык к его беспричинной ревности и с абсолютно невозмутимым видом ответил: — Это преподаватель из Цинского университета, который занимается приемом абитуриентов. Я расспрашиваю его об условиях поступления в этом году.

В конце концов, сейчас стояла пора вступительных экзаменов, и телефоны приемной комиссии с утра до вечера были заняты, дозвониться до них оказалось совершенно невозможно, поэтому ему пришлось написать по электронной почте. Гу Шэн почувствовал, как у него на сердце потеплело:

— Синьсинь помогает мне узнавать новости? Разве результаты поступления не выйдут уже завтра? Не стоит так переживать.

Мин Синь тем временем уже открыл сообщение, всмотрелся на пару секунд в экран и произнес:

— Он говорит... на этот год у нас выделено двести мест, а если отнять тех, кто планирует поступать в Университет Цинхуа, ты вполне проходишь в Цинский университет.

На Гаокао Гу Шэн занял по всей провинции сто девяносто первое место.

Услышав это, Гу Шэн слегка помрачнел.

Если бы он постарался еще хотя бы годик, то, возможно, смог бы оказаться ближе к Мин Синю. Или, как на каждом пробном экзамене: Мин Синь — первый, он — второй, и они всегда вместе. А не так, как сейчас, когда под именем лучшего ученика провинции значится студент из какого-то другого города, о котором прежде никогда даже не слышали.

При мыслях о том, что этот человек тоже мог подать документы в Цинский университет и в будущем даже оказаться с Мин Синем в одной группе или в одном общежитии, в нем поднималась невыносимая волна ревности.

Если бы можно было вернуться в первый год старшей школы, он бы непременно отлупил себя тогдашнего — такого легкомысленного и забросившего учебу.

Мин Синь снова уловил от Гу Шэна кислый привкус ревности, но понятия не имел, на что тот на этот раз обиделся. Поэтому он просто повернулся и легко, словно касание крыльев стрекозы, коснулся губами щеки Гу Шэна, успокаивая растревоженного большого пса.

Однако глаза Гу Шэна стали еще темнее... Они не целовались с Мин Синем уже целую неделю. Свет не мог пробиться сквозь промежуток между ними, поэтому на полу лишь отпечатались их слившиеся воедино тени. Во время летних каникул Гу Шэн усердно тренировался, и теперь его плечи и спина стали еще шире и крепче, а сам он немного вырос, так что мог с легкостью полностью заключить Мин Синя в свои объятия и целовать, позволяя тому лишь слегка покачивать красивыми, подогнутыми пальцами ног.

Мин Синь не ошибся: Гу Шэн действительно поступил в Цинский университет.

В тот же день он позвонил семье и предупредил, что не вернется ночевать домой. Однако мать Линь ответила ему по телефону, что он уже взрослый и ему необязательно докладывать обо всем на свете — пусть делает всё, что захочет. Мин Синь опустил телефон, на мгновение замер, а затем поднял руку и набрал другой номер. После короткого разговора собеседник повесил трубку первым.

Тогда он снова отложил телефон и принялся собирать смену одежды на вечер.

Система внезапно подала голос: — Зачем ты это делаешь?

С тех пор как Система поняла, что Мин Синь обманул ее, она дулась. Что бы Мин Синь ни говорил ей, она лишь мычала и фыркала, не устаивая его ни единым добрым словом.

Это был первый раз, когда она заговорила с Мин Синем серьезно.

— Что именно я делаю? — Мин Синь аккуратно слошил одежду, но, заметив на краешке крошечную складку, принялся разглаживать ее пальцем.

Система не понимала, как он может сохранять такое спокойствие: — Ты... ты позвонил дедушке главного героя-атакующего (Гун)... заставил его...

Она была близка к безумию: ведь дедушка главного героя-атакующего (Гун) — это же главный злодей оригинального сюжета, как Мин Синь мог связаться с ним?!

— Вот ты о чем, — выражение лица Мин Синя осталось абсолютно невозмутимым. — Разве есть что-то плохое в том, чтобы налаживать отношения с семьей моего партнера? Разве это налаживание отношений? Они же явно сговорились, чтобы...

Система от напряжения едва не раскаляла чипы и не выдержала:

— Ты... ты же всё в сюжете перевернул с ног на голову... Если задание провалится, неужели ты не боишься, что Бюро быстрых перемещений устроит расплату?

Услышав это, Мин Синь наконец изобразил удивление. Система подумала, что он наконец осознал всю серьезность проблемы, но Мин Синь озадачился совсем другим:

— Провалится?

— Ну да, неужели только дошло? — в ее тоне невольно проскользнуло изрядное раздражение.

— Маленькая система, не хочешь открыть свою панель заданий и посмотреть? — Мин Синь не удержался от смеха. — Посмотри, задание и впрямь на грани провала или уже почти выполнено?

Как такое возможно? Мир ведь превратился в такой хаос, как это могло... В тот самый момент, когда системный взгляд случайно зацепил определенные данные, механизм замер, словно старая, годами не ремонтируемая машина. Ослепительные 74% выполнения задания отражались в ее механическом взоре, превратившись в непостижимую для нее последовательность символов.

— Это... как такое возможно?! — не выдержав, взвизгнула она.

Мин Синь терпеливо пояснил:

— Разве ты не знала ответ с самого начала, когда только взялась за меня?

Система была уже на грани нервного срыва:

— Чего?.. Почему я ничего не знала?

Мин Синь вздохнул.

— Мое задание — сделать так, чтобы главный герой-принимающий (Шоу) обрел безупречную карьеру и любовь, добившись счастливого конца, разве не так?

Система растерянно моргнула:

— И какое отношение это имеет к делу?

Какая же глупая система, подумал Мин Синь.

Он продолжил:

— Раз уж моя цель — обеспечить главному герою-принимающему (Шоу) прекрасное будущее, то какое отношение к этому имеют главный герой-атакующий (Гун) или моя собственная роль?

Система снова зависла.

— Разве счастье и совершенство заключаются в том, чтобы выдать главного героя замуж в богатую семью и закрутить роман с влиятельным мужчиной? — на лице Мин Синя промелькнула нескрываемая насмешка. — Разве истинное счастье обязательно должно быть выстрадано через тяжелейшие испытания и едва ли не трагические события?

Система неуверенно протянула:

— Раз... разве нет?

Мин Синь холодно произнес:

— С чего ты взяла, что человек, чья судьба всю жизнь состояла из вынужденных страданий и лишь в самый последний момент озарилась счастьем, будет счастливее того, чья жизнь с самого начала складывалась легко и благополучно?

В той самой так называемой «изначальной сюжетной линии», которую система передала Мин Синю, жизнь Пэй Юя после того, как он влюбился в Гу Шэна, стала только тяжелее.

Ради Гу Шэна он постепенно запустил учебу. Наконец добившись взаимности и став парой, он был вынужден вместе с Гу Шэном прогуливать занятия. Во время очередной драки Гу Шэна с уличными хулиганами Пэй Юю неудачно сломали правую ногу, из-за чего он даже пропустил вступительные экзамены в университет. И как раз в этот момент дедушка Гу Шэна узнал об их отношениях и насильно увез Гу Шэна прочь. Прошли годы, и Пэй Юй наконец вновь повстречал Гу Шэна, но рядом с Гу Шэном уже вилась прекрасная и уверенная в себе невеста, а также бесчисленные поклонники, превосходившие его во всём. Измучив себя до полусмерти, столкнувшись с клеветой, потерей работы и даже гибелью родителей, Пэй Юй наконец добился милостивого внимания Гу Шэна. Но в конце концов он всё равно оставался лишь презренным любовником, которому даже на свадьбу приходилось идти под общая перешёптывания толпы.

А ведь его жизнь вовсе не должна была сложиться так.

Обладая незаурядным умом, он мог с легкостью поступить в любимый университет, а в дальнейшем — построить собственное дело и найти человека, который по-настоящему любил бы его.

Система наконец прозрела:

— Степень выполнения задания... на самом деле связана лишь с тем, чувствует ли себя счастливым сам главный герой-принимающий (Шоу)? Он может быть... кхм, счастлив, как в оригинальном сюжете, а может сделать собственный выбор?

— Эт... эта теория слишком абсурдна... — Система всё ещё не могла с этим смириться и со злости выпалила: — С чего это мне верить какому-то дезертиру?! Я выполнила столько заданий, и каждое увенчалось успехом! Неужели я должна усомниться в своем профессиональном обучении только из-за твоих слов?!

Система в голове Мин Синя в гневе выплюнула целое облако цифрового пара, а затем, испугавшись, что Мин Синь станет возражать, быстро и ловко заблокировала его.

Мин Синь лишь хмыкнул про себя:

— ...

Он беспомощно моргнул.

Эта глупенькая система порой бывала такой невыносимой.

Пока Мин Синь собирал вещи и спускался вниз, глупенькая система, охваченная чувством вины, приоткрыла крошечный уголок защитного экрана и робко заглянула наружу.

Вслед за взглядом Мин Синя она увидела темную, безмолвную лестничную площадку. За окном не мерцало ни единой звезды, слышно было лишь слабое стрекотание цикад.

Система запоздало ощутила капельку одиночества.

Для создания, сотканного из холодных данных, это казалось почти невозможным.

Однако вскоре она заметила слабый свет.

Источник света исходил от мужчины, который прислонился к машине у входа и ждал.

Мягкий свет уличного фонаря пал на красивого мужчину, словно окутав его ореолом святости. У него была стройная фигура, а поверх небрежно накинутой кожаной куртки виднелась футболка, сквозь которую угадывались очертания идеальных мускулов. Услышав шаги, он лениво поднял взгляд и уставился на Мин Синя так, будто поймал долгожданную добычу.

Так, значит, главный герой-атакующий (Гун) в глазах Мин Синя выглядит именно так... — осторожно подглядывала система.

Частота моргания Мин Синя едва заметно увеличилась — заметить это удалось лишь благодаря превосходным аналитическим способностям системы. Она наблюдала, как Мин Синь подошел к Гу Шэну и донельзя привычно сунул ему в объятия свой багаж:

— Я проголодался, куда пойдём?

— Что хочет съесть Синьсинь? — Некогда бунтарский главный герой-атакующий (Гун) из оригинального сюжета теперь послушно и безропотно принял сумку из рук Мин Синя, аккуратно уложил ее в багажник и закрепил так, чтобы она не сдвинулась с места при езде.

Мин Синь ответил:

— Хочу раков...

Гу Шэн с грохотом захлопнул крышку багажника и, словно заранее зная, что скажет Мин Синь, тут же подхватил:

— Понял, буду сам тебе чистить панцири.

С этими словами он повернулся и под прикрытием автомобиля нежно поцеловал Мин Синя.

Система неизвестно когда снова спряталась за защитным экраном.

Спустя какое-то время, не потревожив ни единой живой души, она бесшумно сняла блокировку.

Пару дней назад Гу Шэн получил водительские права и сейчас отчаянно рвался продемонстрировать свои навыки Мин Синю. Наевшись жирных, сочных раков, Гу Шэн усадил

Мин Синя в машину и покатали по окрестностям, а напоследок они заглянули на оживленный ночной рынок и лишь после этого вернулись в квартиру возле университета, которую снимали еще до окончания школы.

В качестве прощания со школьной жизнью в ночь после оглашения результатов поступления Гу Шэна они решили переночевать именно здесь.

Гу Шэн стоял в ванной, глядя, как горячая вода постепенно наполняет ванну, однако мысли его витали за ее пределами — он ловил слухом малейший шорох из спальни.

Он до сих пор отчетливо помнил слова Мин Синя...

Если он поступит с Мин Сином в один университет, они смогут зайти до конца.

При этой мысли мочки ушей Гу Шэна покраснели, а лицо запылало. Хотя он уже не раз целовал Мин Синя и с закрытыми глазами мог бы отыскать на его теле любое слабое место, одна лишь мысль о том, что они действительно займутся этим, заставляла его кровь бурлить.

Говорили, что в первый раз всегда бывает немного больно, поэтому накануне Гу Шэн проштудировал немало материалов на эту тему, стремясь сделать так, чтобы Мин Синь не почувствовал боли. И всё же, когда этот день настал, он все равно чувствовал, что подготовился недостаточно.

Пока он размышлял, вода в ванне поднялась почти до краев. Спohватившись, Гу Шэн протянул руку, чтобы перекрыть кран, но из-за его спины неожиданно вынырнула белоснежная изящная рука и опередила его.

Прохладное тело прижалось к его спине — он сразу понял, кому оно принадлежит.

Словно предчувствуя неизбежное, сердце Гу Шэна забилося так быстро, что, казалось, готово было проломить грудную клетку и вырваться наружу.

— Гу Шэн, — раздался голос Мин Синя, звучавший одновременно властно, как приказ, и капризно, как ласка. Он тихо произнес: — Я тут кое-что нашел на прикроватной тумбочке, ты знаешь, что это?

Обнаружил? Гу Шэн замер и хрипло ответил:

— Синьсинь сам говорил, что если я поступлю с ним в один университет...

— Я помню, — прервал его Мин Синь и тихо усмехнулся: — Поэтому я принес их с собой.

По водной глади побежали рябь и круги, а несколько пластиковых упаковок упали на воду и заскользили по течению.

Мин Синь произнес:

— Я пришел исполнить обещание.

Половина воды из ванны расплескалась. В тесноватой ванне Гу Шэну с его ростом почти под метр девяносто и без того было тесно, а уж теперь, когда там сидели двое...

Если заглянуть в ванную от двери, первое, что бросалось в глаза, — это широкая, рельефная спина Гу Шэна, а чуть ниже виднелись белые икры, свисающие с бортиков ванны.

Красивые подъемы стоп были судорожно натянуты, пальцы ног сжаты в кулаки, но опоры под ними не было — они лишь покачивались в воздухе в такт колебаниям воды.

Впрочем, разглядеть что-либо еще было невозможно. Воздух пропитался влажным жаром, тихие стоны то и дело срывались с губ, но тут же заглушались, переходя в слабые всхлипы, а порой от резких толчков рассыпались на бессвязные обрывки звуков.

Вдруг белые пальцы вцепились в мускулистые, покрытые загаром плечи и спину — словно не в силах вынести происходящего, ладонь сжалась, и аккуратно подстриженные ногти оставили на коже красные следы.

Мин Синь принес с собой пять презервативов.

Один они израсходовали в ванне, но когда вода остыла, Гу Шэн прямо в том же положении подхватил Мин Синя на руки и, стоя, использовал второй.

Оставшиеся три ушли уже на кровати.

Когда всё закончилось, Мин Синь уснул от усталости едва ли не в тот самый момент, когда Гу Шэн вышел из него, оставив весь этот беспорядок на плечах партнера. Так что в половине четвертого утра Гу Шэну пришлось в одиночку менять насквозь промокшую, испачканную постель, а затем отнести сладко спящего Мин Синя в ванную, чтобы привести их обоих в порядок.

К тому моменту, как он закончил, было уже около пяти. Оставшиеся дела Гу Шэн решил отложить на следующий день. Провозившись всю ночь, даже человек со стальным телосложением почувствовал бы усталость. Он наскоро принял армейский душ, быстро нырнул под одеяло, прижал к груди пахучего любимого парня и, прежде чем погрузиться в счастливый сон, украдкой чмокнул его еще несколько раз.

Мин Синь спал очень долго.

В тот самый миг, когда он проснулся, ему даже показалось, будто во сне ему переломали все кости, а потом собрали заново — всё тело ломило от дикой боли, двигаться было почти невозможно. Стоило ему с трудом приподняться на кровати, как глаза наполнились слезами.

И именно в этот момент дверь спальни отворилась.

— Проснулся? — Гу Шэн подошел к кровати и мягко спросил.

Мин Синь ничего не ответил, слезы покатались из его глаз.

Он явно был зол.

Гу Шэн знал, как сильно тот боится боли: когда-то, повредив спину, он предпочел целоваться с ним, лишь бы не мазать раны мазью. Поэтому он с нежностью поцеловал своего капризного парня, слизывая слезинки с его лица.

— Болит? — произнес он. — Мазь, которую я нанес Синьсиню, обладает обезболивающим эффектом. Если все еще болит, потом можно намазать еще раз.

Он помазал? Мин Синь с удивлением прислушался к себе и вдруг обнаружил, что основная боль вызвана обычной крепатурой от ночной бурной тренировки, а вот в том самом месте,

которое прошло через столь интенсивное использование, ощущалась лишь прохлада и легкая остаточная боль от трещинок.

— Не нужно, — выдавил наконец Мин Синь первые слова после пробуждения, но смотреть на Гу Шэна по-прежнему отказывался.

И тут его живот громко заурчал.

Раздайся этот звук в разгар молчаливого бойкота — и Мин Синь мгновенно покраснел до самого основания шеи.

Если бы не страх разозлить Мин Синя еще сильнее, Гу Шэн наверняка бы расхохотался.

Он наклонился и просто взял сидевшего на кровати Мин Синя на руки.

Мин Синь резко взмыл вверх и от неожиданности инстинктивно обхватил Гу Шэна за плечи:

— Гу Шэн, ты что делаешь? — в его голосе прозвучала нотка паники.

— Разве Синьсинь не проголодался? — Гу Шэн без малейших усилий понес его к выходу. — Хорошо, что я заранее об этом подумал и приготовил для Синьсиня ужин, он до сих пор теплый.

В его голосе явственно слышалось: Ну похвали меня, ну похвали!

Но стоило Гу Шэну понести его, как Мин Синь подсознательно вспомнил прошлую ночь, когда его точно так же носили на руках, и вокруг не было ни единой опоры, кроме самого Гу Шэна, которому приходилось слепо доверяться, подчиняясь каждому движению. В его глазах, черных как полированное стекло, промелькнула тень страха.

К счастью, Гу Шэн быстро донес его до кухни. Как только Мин Синя опустили на стул с мягкой подушкой, он вцепился руками в подлокотники, и по мере того, как под пальцами ощущалась твердая опора, страх в его глазах стал постепенно рассеиваться.

Гу Шэн ничего не заметил. Почувствовав, как тело Мин Синя напряглось в его объятиях, он решил, что тот просто перетрутился прошлой ночью и теперь страдает от мышечных болей, из-за чего жутко раскаялся. Принеся сваренную им заранее рисовую кашу с постным мясом и овощами, он уселся возле стула, словно преданный большой пес, и преданно уставился на то, как Мин Синь ест.

Мин Синь собирался было игнорировать его, но вскоре большая ладонь скользнула ему на поясницу и принялась не слишком сильно, но ощутимо разминать затекшие мышцы.

Наверное, он просто хотел сделать массаж, но это место... Мин Синь живо припомнил, как его держали за талию, лишая возможности вырваться.

Кончики его ушей покраснели, и, испытывая легкое раздражение, он перехватил руку Гу Шэна:

— Не смей трогать! — впервые его голос прозвучал так строго, и Гу Шэн тут же послушно замер.

Но уже через секунду Мин Синь понял, что что-то не так: Гу Шэн вел себя слишком тихо и при этом продолжал крепко сжимать его руку. Повернув голову, он увидел, что Гу Шэн упорно

смотрит на него снизу вверх, стоя на одном колене, и в районе ширинки отчетливо вырисовывается внушительный бугорок.

Мин Синь дернулся, словно ошпаренный, и тут же отдернул руку. Лицо его то бледнело, то покрывалось краской, всем своим видом выражая крайнюю степень неловкости:

— Гу Шэн, ты... ты просто... — лучший ученик провинции на экзамене Гакао от страха и смущения даже растерял все слова, пока наконец не подобрал подходящее: — ...просто бесстыдник!

Гу Шэн, незаслуженно выслушавший столько упреков, чувствовал себя совершенно невинным. Какой нормальный, полный сил молодой мужчина не потеряет голову после того, как впервые заполучил любимого человека? С самого пробуждения он только и делал, что вспоминал вид Мин Синя прошлой ночью, отчего возбуждался уже несколько раз — не говоря уж о том, что прямо сейчас Мин Синь сидел перед ним, маня открытой белой кожей у ворота, обнаженными стопами и предплечьями со следами поцелуев.

Но раз Мин Синь испугался, он тут же поспешил переложить всю вину на свою плоть:

— Синьсинь может не обращать на него внимания, это плохой мальчик. Если Синьсинь он так не нравится, можешь пару раз ударить его, чтобы выпустить пар.

С этими словами Гу Шэн покосился на руку Мин Синя, и, видимо подумав о чем-то своем, его красивое лицо снова густо покраснело.

Мин Синь: «.....»

Он вовсе не хотел трогать вещи Гу Шэна — это, очевидно, лишь сильнее возбудило бы того. Поэтому он холодно произнес:

— Садись на ту сторону, я сейчас не хочу сидеть к тебе слишком близко.

Гу Шэн жалобно посмотрел на Мин Синя, но подобное выражение на его невероятно притягательном и мужественном лице ничуть не растопило сердце Мин Синя, так что Гу Шэну оставалось лишь пересест на противоположную сторону обеденного стола.

Мин Синь ел кашу очень медленно: его губы были разбиты в кровь, и от любого чуть более горячего блюда ему становилось больно. Разумеется, он не собирался оставлять Гу Шэна безнаказанным и прямо-таки прокусил тому нижнюю губу. Прошли сутки, и хотя у Гу Шэна губа уже почти зажила и покрылась корочкой, самому Мин Синю было больно даже есть обычную кашу.

Когда он, медленно жуя, осилил лишь половину порции, в прихожей внезапно раздался звонок в дверь.

Мин Синя даже ради приема пищи приходилось носить на руках, поэтому открывать дверь отправился Гу Шэн. К счастью, к этому моменту его возбуждение уже спало, иначе он наверняка почувствовал бы себя неловко.

Он думал, что это соседи или кто-то еще из знакомых, но, распахнув дверь, он увидел человека, которого никак не ожидал встретить.

—Дедушка? — в голосе Гу Шэна прозвучало недоумение.

Но в тот же миг стоявший на пороге старик отступил на шаг, и по обе стороны от него в особняк ворвались телосранители, в мгновение ока скрутив потерявшего бдительность Гу Шэна и прижав его к полу.

Гости прибыли явно с недобрыми намерениями. Сообразив это, Гу Шэн отчаянно закричал в сторону кухни:

— Синьсинь, беги!

Он решил, что их с Мин Синем тайная связь раскрыта, и его дедушка, нынешний глава клана Гу, намерен разлучить их точно так же, как десяток лет назад разлучил его родителей.

А ведь тогда, после того как его отца силой заставили уйти, тот в конце концов сгинул в неизвестности.

Грудь Гу Шэна тяжело вздымалась от страха. Несколько человек навалились на него всем весом, припечатав к полу. Сквозь зажатый обзор он видел лишь белые носки Мин Синя, стоявшие на ковре. Сам он оказался повержен на землю, а Мин Синь при этом не издал ни звука. Однако Гу Шэн тут же подумал, что из-за того, как сильно он измотал Мин Синя сегодня, тот, возможно, просто не сможет убежать.

— Тук!

Тяжелый стук трости о пол раздался прямо над ухом Гу Шэна. Волосы старика были совершенно седыми, но шаг оставался твердым и уверенным. Одетый в традиционный китайский костюм, он излучал суровость и безжалостность, которые отпечатались на каждой морщине его лица.

Старик Гу даже не взглянул на непокорного внука, распростертого на полу, а направился напрямик к Мин Синю, сидевшему за обеденным столом. Позади доносились яростные крики Гу Шэна, но старик не обращал на них ни малейшего внимания. Остановившись перед Мин Синем, он слегка приподнял подбородок и пронзил ядовитым взглядом следы на теле парня и тарелку с кашей перед ним.

— Ты справился отлично, деньги поступят на твой счет в ближайшее время, — холодно произнес он.

Голос Гу Шэна постепенно затих, а затем и вовсе оборвался. Он с усилием задрал голову, с неверием глядя в сторону Мин Синя.

Сидя за столом, Мин Синь, который только что неизменно смотрел на него с ледяным выражением, медленно улыбнулся:

— Хорошо, спасибо вам, господин Гу.

Это была та самая знакомая Гу Шэну фальшивая, мягкая улыбка Мин Синя.

— Скажите, могу я поговорить с Гу Шэном наедине? — снова обратился к нему Мин Синь.

Возможно, в знак благодарности за оказанную услугу, но старик Гу, хоть и помрачнел лицом, всё же кивнул:

— Только телохранители останутся здесь.

Мин Синь не имел против этого никаких возражений.

Судя по физической силе Гу Шэна, даже если бы в комнате не досчитались хотя бы одного охранника, удержать его было бы невозможно.

Старик Гу вновь оперся на трость и зашагал к выходу, до самого конца так и не удостоив лежащего на полу внука ни единым взглядом.

Глаза Гу Шэна покраснели, он не мигая смотрел на приближающегося к нему Мин Синя и прохрипел:

— Синьсинь... почему?

Мин Синь присел на корточки напротив него. В процессе движения он задел больное место и невольно поморщился, но тут же разгладил лицо и, глядя на поверженного Гу Шэна, одарил его улыбкой, полной открытой злобы:

— Почему? Гу Шэн, ты правда не понимаешь?

— Я ведь совсем тебя не люблю, Гу Шэн, — холодно произнес Мин Синь.

Слезы брызнули из глаз Гу Шэна, капая на пол:

— Синьсинь, раз ты меня не любишь... зачем согласился стать моим парнем?

— У тебя был компромат на меня, — тихо ответил Мин Синь. — Я так боялся, поэтому мне приходилось соглашаться на всё, что ты говорил, разве нет?

— Но вчера... — пробормотал Гу Шэн.

Мин Синь вдруг резко помрачнел:

— Вчера я согласился лишь выполнить свое обещание, но ты... — его белоснежное лицо залилось краской от гнева. — Плевал на мои отказы и занимался этим столько раз!

— Да, кстати, — Мин Синь склонился ближе и шепнул прямо на ухо Гу Шэну: — Гу Шэн, в постели ты полный ноль.

Словно больше не в силах сдерживаться, Гу Шэн издал из глубины горла исполненный боли крик. Этот красивый мужчина лежал в пыли, раздавленный и жалкий, точно поверженный дикий пес, собственными ушами слыша столь жестокие слова из уст любимого человека.

У него больше не осталось вопросов. Или, возможно, он боялся задавать их дальше — страшился, что наружу безжалостно всплывет еще больше жутких истин.

Мин Синь поднялся на ноги и бросил стоявшим рядом телохранителям:

— Мне больше не о чем с ним говорить, забирайте его.

Охранники кивнули.

Тогда Мин Синь повернулся и направился к лестнице, ведущей на второй этаж, размышляя о

том, что пора бы переодеться в ту одежду, которую он вчера захватил из дома. Однако в этот самый момент сзади раздался испуганный окрик.

Мин Синь не успел и глазом моргнуть, как его сбили с ног. В следующее мгновение воротник на его затылке резко оттянули назад, и кожу пронзила острая боль — от неожиданности пальцы Мин Синя, прижатые к полу, невольно сжались в кулаки.

Но стоявшего за его спиной мужчину тут же оттащили силой. Мин Синь медленно приподнялся, придерживая рукой затылок, а в глазах от боли блеснули невольные слёзы.

— Синьсинь...

Скованные по рукам и ногам телохранителями, Гу Шэна волокли к выходу, но его хищные светлые глаза до самого последнего мгновения неотрывно следили за Мин Синем, казалось, желая сплестись с ним в единый узел на всю оставшуюся жизнь.

— ...Жди меня, я еще вернусь.

Этот низкий, полный демонической злобы шепот слетал с губ Гу Шэна каждое мгновение, и даже когда его силуэт полностью скрылся из виду, эхо голоса продолжало метаться по дому.

Месяц назад, сад в поместье семьи Гу.

Лицо старика было суровым, но во взгляде проступала невольная усталость:

— ...Этот мой внук, хотя умом и не обделен, целыми днями мается дурью... Не знаю даже, сможет ли он в будущем взвалить на свои плечи столь тяжелую ношу.

— Сколько вам еще осталось? — внезапно спросил Мин Синь.

Не ожидавший такой пронизательности старик Гу на мгновение замолчал, но в конце концов ответил:

— ...Пять лет.

— У меня есть один способ. Господин Гу не хочет выслушать его? — мягко произнес Мин Синь, постепенно сжимая пальцы так, что гортензия в его ладони превратилась в кашу, пустившую ярко-красный сок. — Ручаюсь: если сделаете так, как я скажу, он в самые кратчайшие сроки достигнет поставленной вами цели.

Мутные глаза старика Гу обратились на Мин Синя, он, похоже, начал о чем-то догадываться.

— Какова твоя цель?

— Я... не люблю его, но он постоянно преследует меня... — Мин Синь опустил голову, прекрасно зная, какие именно слова способны сильнее всего растрогать человека вроде старика Гу. — Я хочу, чтобы он оставил меня в покое.

И действительно, взгляд старика Гу замер, погружаясь в какие-то далекие воспоминания.

Долгое время царил молчание. Наконец он произнес:

— Говори.

.....

Пять лет спустя.

Лифт плавно поднялся на самый верхний этаж и с тихим звоном открыл двери.

Закутанный в белый шарф Мин Синь шагнул в тепло офиса, выдохнув облачко морозного воздуха, принесенного с улицы. На ходу развязав шарф и сняв пальто, он одной рукой повесил их на вешалку в стороне и, проходя мимо одного из отгороженных рабочих мест, легко постучал по перегородке.

— Войдите!

Мин Синь толкнул дверь и, показав сидевшему внутри человеку пакет, который держал в руке, мягко произнес:

— Сяо Юй, будешь торт?

— А? Торт! — в кабинете стоял отдельный письменный стол с табличкой «Секретарь Синьчуан Кэцзи» и надписью «Пэй Юй» рядом. Юный секретарю, зарывшийся с головой в работу, услышав о сладостях, восторженно взвизгнул, вылетел из-за стола и поспешил за Мин Сином в общую зону.

Двигаясь с присущим ему изяществом, Мин Синь аккуратно разрезал торт на аккуратные треугольные кусочки, наколот один на вилку и отправил в рот. Тем временем Пэй Юй уплетала за обе щеки, торопливо жуя и перемазав нос кремом.

Вскоре по офису поплыл манящий аромат, и остальные сотрудники, сглатывая слюну, потянулись к ним, с надеждой глядя на генерального директора.

Генеральный директор мягко улыбнулся коллегам, указал рукой на разделенный на порции торт и произнес:

— Угощайтесь.

Толпа мгновенно оживилась, и не прошло и минуты, как от торта Мин Синя не осталось и следа.

Покончив с лакомством, Пэй Юй блаженно вытер рот. Заметив, что Мин Синь съел лишь половину своей порции, он подсел ближе и загадочным тоном произнес:

— Мин Синь, с чего это ты вдруг решил купить торт?

Мин Синь помедлил с ответом, тщательно прожевывая лакомый кусочек, и лишь затем произнес:

— Просто сегодня произошло одно весьма радостное событие.

— Какое же? — почему-то лицо Пэй Юя слегка покраснело.

Мин Синь улыбнулся:

— Встретил старого знакомого.

На лице Пэй Юя, напротив, отразилось удивление:

— А я-то думал, это из-за меня!

Мин Синь удивился:

— Из-за тебя?

— Разве Мин Синь не видел пост, который я вчера выложил в соцсетях? — с пылающими щеками Пэй Юй продемонстрировал безымянный палец с блестящим бриллиантовым кольцом.
— Я обручился!

Мин Синь замер с вилок в руке и перевел взгляд на него:

— Обручился? И с кем же?

— С тем самым парнем, с которым я сидел за одним столом, когда мы в прошлый раз обедали вместе, — глаза Пэй Юя сияли. Будучи только что помолвленным, он страстно желал поделиться радостью с кем угодно из близких знакомых. — После того ужина ты еще сказал мне, что он неплохой человек.

Мин Синь наконец припомнил, о ком идет речь. Это был симпатичный молодой парень в черной оправе очков, еще студент, от которого веяло легкой интеллигентностью. Тогда они ели барбекю, и тот парень безостановочно жарил мясо для Пэй Юя, складывая его в тарелку, а сам почти ничего не ел. Стоит отметить, что в отличие от прошлых бойфрендов Пэй Юя, этот парень от начала и до конца почти не смотрел на Мин Синя — он не сводил глаз с Пэй Юя, и даже когда при встрече или прощании нужно было взглянуть на Мин Синя, его взгляд лишь на секунду вежливо задерживался на нем, а затем без всякого сожаления устремлялся обратно.

Мин Синь ненадолго задумался:

— И впрямь неплох. Когда планируете свадьбу?

— С-свадьбу?! — Пэй Юй от неожиданности занервничал и заикался, а макушка, казалось, едва ли не дымилась. — Ч-честно говоря об этом так рано?! Он... он говорит, что ему еще предстоит сдавать экзамены в аспирантуру, так что не всё так быстро.

В душе Мин Синя всё встало на свои места: экзамены в аспирантуру обычно проходили вокруг рождества, и если парень заводил такие разговоры, то вполне вероятно, что сразу после их окончания он сделает Пэй Юю предложение.

А к следующему году Пэй Юй, пожалуй, сменит статус холостяка на женатого человека.

Пэй Юй увлеченно щебетал о своем женихе. На выпускных экзаменах он набрал баллы выше ожидаемого, но подал документы не в Цинский университет, а в Пекинский, расположенный всего через дорогу. На первом курсе они даже учились в одной группе, но тогда тот парень особо не следил за своей внешностью и не проявлял к нему никакого интереса — они были просто приятелями. Так продолжалось до тех пор, пока в прошлом году Пэй Юй не бросил изменившего ему мерзавца и не расплакался, спрятавшись на лестничной клетке. В тот момент парень внезапно появился перед ним, утешал весь вечер, и с тех пор они стали парой.

После окончания рабочего дня Мин Синь увидел, как свежее испеченный жених Пэй Юя приехал за ним. Тот привез небольшие подарки для всех сотрудников компании, и молодые

люди, держась за руки, спустились вниз, после чего растворились в вечерней прогулке под порывами холодного ветра.

— Ты пожалел? — холодный голос Системы раздался в его голове. — Если бы тогда ты поступил иначе, сейчас мог бы жить точно так же.

— И что потом? — парировал Мин Синь. — Подвергаться тайным свиданиям под носом у еще более могущественного главы клана, пока кто-то из нас не загнется в ожидании?

Старик Гу тогда явно поскромничал: его жизнь продлится еще куда дольше пяти лет.

Система никак не могла взять в толк:

— Разве развиваться шаг за шагом не прекрасно?

Мин Синь закрыл глаза: шкафчик прогресса показывал 89% — примерно на этой отметке всё и замерло.

Распахнув глаза, он холодно бросил:

— Я больше не хочу ждать.

Впрочем, слегка побаловать себя на этот раз всё же стоило.

Так подумал Мин Синь.

Он позвонил водителю и отменил поездку, сказав, что в машине нужды нет, после чего спустился вниз и неспешно зашагал по знакомым с детства улицам.

Тук, тук, тук...

Тихий звук шагов раздался совсем неподалеку у него за спиной — настолько едва уловимый, что он почти растворялся в завываниях холодного ночного ветра.

Обойдя переулки и кварталы, Мин Синь в конце концов вышел на оживленную, сияющую неоновыми огнями улицу и остановился.

Он замер у входа в бар, бросив задумчивый взгляд на парочки мужчин, входивших и выходивших из заведения.

Влюбленный втайне человек узнает о помолвке объекта своей страсти, и этот несчастный неудачник в отчаянии бредет в бар топить горе в вине — разве это не выглядит предельно правдоподобно?

Мин Синь прищурился, а затем решительно шагнул вперед, направляясь напрямик внутрь бара.